

КРИМИНАЛЬНАЯ КЛАССИКА

**ТОМАС
ХАРРИС**
КРАСНЫЙ
ДРАКОН

Москва
2023

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
X21

Thomas Harris
RED DRAGON

Copyright © 1981 by Yazoo Fabriations, Inc.

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© Umaporn Thoonkhunthod / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Харрис, Томас.

X21 Красный дракон / Томас Харрис ; [перевод с английского В.В. Гусева]. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-187296-0

Мы все безумцы или, может быть, это мир вокруг нас сошел с ума?

Доктор Ганнибал Лектер, легендарный убийца-каннибал, попав за решетку, становится консультантом и союзником ФБР.

Несомненно, Ганнибал Лектер — маньяк, но он и философ, и блестящий психиатр. Его мучает скука и отсутствие «интересных» книг в тюремной библиотеке.

Зайдя в тупик в расследовании дела серийного убийцы, прозванного Красным Драконом, ФБР обращается к доктору Лектеру. Ведь только маньяк может понять маньяка. И Ганнибал Лектер принимает предложение. Для него важно доказать, что он умнее преступника, которого ищет ФБР.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гусев В. В., перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-187296-0

Сердце человека — Милосердие,
Жалость и Печаль — его лицо,
Любовь — его божественное тело,
Покой — его бессменная одежда.

*Уильям Блейк,
из цикла «Песни невинности»
(Божественный образ)*

Сердце человека — Бессердечность,
Ревность с Завистью — его лицо,
Ужас — его дьявольское тело,
Тайна — его вечная одежда.
Сердце человека — голодная бездна,
Лицо человека — закрытая печь,
Тело человека — кузница огня,
Одежда человека — кованое железо.

*Уильям Блейк,
из цикла «Песни опыта»
(Божественный образ).
Перевод на русский язык
Ларисы Васильевой*

1

Усадив Крофорда за небольшой столик, стоявший в нескольких шагах от полосы прибоя, Уилл Грэм предложил ему стакан чая со льдом. Джек Крофорд оглянулся на старый, но очень симпатичный дом — его крепкие просоленные доски сверкали в ярком свете дня.

— Надо было поговорить с тобой еще в Марафоне, сразу как закончилась твоя смена на верфи, — начал Крофорд. — Здесь ты вряд ли захочешь об этом говорить.

— Джек, я вообще не хочу об этом говорить, — ответил Грэм. — Но раз уж приехал — выкладывай. Только без фотографий. Скоро придут Молли и Вилли. Я не хочу, чтобы они все это видели.

— Что ты об этом знаешь? — спросил Крофорд.

— Не много. Лишь то, что напечатано в «Майами геральд» и «Таймс»: месяц назад в Бирмингеме была убита семья, позавчера в Атланте — вторая. В обоих случаях почерк схожий.

— Не схожий, а одинаковый, — поправил Крофорд.

— Ложных признаний много? — осведомился Грэм.

— Сегодня после обеда звонил нашим, было восемьдесят шесть. Психи. Ни один не знает, что тот бьет зеркала и использует осколки.

— Чего еще не знают газетчики? — спросил Грэм.

— Убийца — блондин, правша, физически сильный. Сорок пятый размер обуви. Умеет завязывать беседочный узел. Работает в резиновых перчатках.

— Ну, об этом ты говорил в интервью.

— Замки открывать, видимо, не умеет, — продолжал Крофорд. — Последний раз, чтобы попасть в дом, вырезал стекло алмазом. Чуть не забыл, у него первая группа крови, резус положительный.

— Его что, кто-нибудь зацепил?

— Насколько нам известно, нет. Определили по сперме и слюне. Он относится к тем, у кого в секреторных выделениях содержатся антигены группы крови.

Крофорд посмотрел вдаль, на спокойную воду океана.

— Уилл, я хочу тебя спросить, — осторожно начал он. — Ты ведь видел газеты. А после второго убийства была куча телерепортажей. Неужели тебе ни разу не захотелось мне позвонить?

— Нет.

— Почему? — поинтересовался Джек.

— Бирмингемский случай описывали очень скупо. Убийство как убийство. Может, месть, а может, с родственником что-нибудь не поделили, — объяснил Грэм.

— Но после Атланты ты, конечно, понял, кто тут замешан, — возразил Крофорд.

— Да. Психопат, — согласился Грэм. — А не звонил потому, что не хотел. Что я, не знаю, кто у вас там работает? Да таких криминалистов еще поискать надо. Тебе, поди, помогают и Гаймлих из Гарвардского университета, и Блум из Чикагского...

— В то время как некоторые продолжают чинить долбанные лодочные моторы.

— Вряд ли я на что-нибудь сгожусь, Джек. Я обо всем этом уже и думать забыл.

— Да ну? А двое последних, которых мы посадили? Ведь брал их ты.

— Да ладно тебе. Ничего особенного я не делал.

— Ничего особенного? Да ты же думаешь по-другому, не как все!

— Правильно, теперь ты будешь этот бред повторять...

— Постой, постой. Ты же выходил на них внезапно, ни с того ни с сего. Как? До сих пор никто не знает.

— Улики анализировал, вот как, — проворчал Грэм.

— Какие улики? Улики потом появились, после ареста. Ты вспомни, мы даже мотив установить не могли!

— Джек, у тебя неплохая команда. От меня особого прока не будет. Я нарочно забрался сюда, чтобы уйти от всего.

— То, что тебя ранили, я не забыл. Но сейчас ты вроде выглядишь нормально.

— А я и чувствую себя нормально. Дело не в том, что меня порезали. Тебя тоже резали.

— Резали, но не так сильно.

— Дело не в этом. Просто я решил поставить точку. Не могу объяснить почему.

— Не можешь больше на все это смотреть? Прекрасно понимаю, ей-богу.

— Нет, не смотреть. Смотреть просто приходится. Приятного, конечно, мало, но работать с трупами можно научиться, привыкнуть, что ли... А вот допросы, больницы... Когда все это стоит перед глазами, а нужно думать, думать, думать... Нет, не потяну. Смотреть еще бы смог, а постоянно об этом думать — уволь...

— Эти уже мертвые, Уилл, — произнес Крофорд, стараясь, чтобы голос звучал как можно теплее.

Слушая Грэма, Крофорд узнавал в речевом ритме и построении фраз свою собственную манеру говорить. Он замечал это за Грэмом и раньше, в беседах с другими. В напряженные моменты Грэм вдруг начинал как бы копировать собеседника. Поначалу Крофорду казалось, что Уилл делает это намеренно, рассчитывая разговорить собеседника, но потом он понял, что тот сам ничего не может поделать: это происходит помимо его воли.

Крофорд двумя пальцами вытащил из внутреннего кармана пиджака две фотографии и бросил их на стол изображением вверх.

— Уже мертвые, — повторил он.

Грэм на секунду задержал взгляд на его лице. Потом потянулся за фотографиями.

Перед ним были два любительских снимка. На одном — пруд. По склону берега поднимается жен-

щина. В руках у нее — корзина для пикника. За ней идут трое детей и утка. На другом — семья вокруг праздничного торта.

Не прошло и полминуты, как Грэм положил снимки на стол. Пальцем он подвинул верхний так, что тот аккуратно совместился с нижним. Он отвернулся и посмотрел вдаль. У самой воды он увидел мальчика: сидя на корточках, тот что-то искал в песке. Рядом, по щиколотки в воде, стояла подбоясь женщина и наблюдала за ним. Вот она повернулась к воде спиной, наклонилась и откинула влажные волосы с плеч.

Грэм некоторое время наблюдал за ними, словно забыв о Крофорде.

Крофорд понял, что приехал не зря. Он правильно выбрал место для разговора, теперь важно не показать радости.

«Похоже, поддается, — подумал он. — Теперь пусть дозревает».

Подошли три на редкость страшные дворняги и улеглись у стола.

— Это что такое? — спросил Крофорд.

— По-моему, это собаки, — ответил Грэм. — Сюда со всей округи приходят щенков топить. Тех, что посимпатичнее, мне удастся пристроить. Те, что остаются, вырастают вот в таких.

— Довольно упитанные.

— Молли подкармливает. Она жалеет бродячих собак.

— Вы неплохо здесь устроились, — произнес Крофорд. — Сколько мальчику лет?

— Одиннадцать, — сказал Грэм.

— Славный парень. Вырастет — будет выше тебя.

Грэм кивнул.

— Отец у него был высокий... А жить здесь здорово, ты прав. Я хотел перевезти сюда Филлис, выйти на пенсию, обосноваться тут как следует. Надоело жить как перекати-поле. Она скучает — ничего удивительного. Все ее друзья остались в Арлингтоне.

— Кстати, передай ей, что я благодарен за книги, которые она мне приносила в больницу. Сам я не успел.

— Конечно, передам.

Прямо на стол сели две птички, видимо надеясь найти остатки джема. Крофорд смотрел на них, пока они не упорхнули.

— Очевидно, на этого типа влияет луна, Уилл. Джейкоби он убил в субботу, двадцать восьмого июня, в полнолуние. Двадцать шестого июля, позапрошлой ночью, — Лидсов. За один день до полнолуния. В следующий раз полная луна выйдет почти через месяц. У нас есть три недели, чтобы подготовиться к встрече. Не думаю, что ты сможешь спокойно сидеть и ждать, пока газеты сообщат о его новой вылазке. Черт возьми, Уилл, я ведь не проповедь читать приехал. Скажи, тебе не безразлично мое мнение?

— Конечно нет, — ответил Грэм.

— С твоей помощью у нас больше шансов быстро его взять. Так что давай седлай — и по коням.

Поезжай в Атланту, в Бирмингем, посмотри, а потом приезжай в Вашингтон. Я же не предлагаю тебе вернуться в штат, — продолжал уговаривать Крофорд.

Грэм молчал.

Волны набегали на берег и откатывались назад. Крофорд помедлил, потом встал, накинул пиджак на плечи.

— Ну ладно, — сказал он, — поговорим после ужина.

— Оставайся с нами, — предложил Грэм.

Крофорд покачал головой.

— Не могу, — ответил он. — Мне будут звонить в гостиницу, еще надо кое с кем связаться. Передай Молли спасибо за приглашение.

Взятая напрокат машина Крофорда оставила после себя облако редкой пыли, осевшее на придорожных кустах. Грэм вернулся к столу. Он уже знал, что потом будет вспоминать последний день счастливой жизни на мысе Шугалауф именно вот так: стол красного дерева, тающие кусочки льда в двух стаканах, салфетки, разлетающиеся от ветра, и далекие силуэты Молли и Вилли.

Закат над мысом Шугалауф: неподвижные цапли и уходящий за горизонт солнечный диск. По лицам Уилла и Молли, сидящих на выбеленном морской водой бревне, выброшенном на берег, бродили оранжевые блики. Их спины отбрасывали фиолетовые тени. Молли взяла Грэма за руку.

— По дороге Крофорд заглянул ко мне в магазин, спросил, как сюда проехать, — сказала она. —

Я пыталась до тебя дозвониться. Хотя иногда подходи к телефону. У дома мы увидели его машину, ну и свернули на пляж.

— Он о чем-нибудь еще тебя спрашивал?

— Да, поинтересовался, как ты.

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что у тебя все в порядке и чтобы он оставил тебя в покое. Что ему надо? — спросила Молли.

— Джек хочет, чтобы я изучил улики, я ведь как-никак судмедэксперт. Ты видела мой диплом.

— Да, видела, когда ты заклеивал им дырку в обоях на потолке. — Она оседлала бревно, чтобы видеть его глаза. — Если бы ты тосковал о своей прежней жизни, о том, чем ты занимался раньше, ты бы сказал. Так мне кажется. Но ты же молчишь. С тобой сейчас легко и спокойно... таким я тебя люблю.

— Нам хорошо, правда?

Она зажмурилась, поморщившись, и Грэм понял, что сказал что-то не то.

Он хотел поправиться, но Молли продолжала:

— Работа с Крофордом пошла тебе во вред. У него полно людей, за ним все государство! Почему он не может оставить нас в покое?

— Я на следственную работу уходил из академии дважды. И оба раза работал под его началом. Те два дела даже для него были в новинку, а уж у него-то следственный стаж — ого-го! И вот опять... Психопаты такого типа — редкость. Ну а Крофорд знает: у меня есть... опыт, что ли.

— Да уж, — сказала Молли.

Рубашка на Грэме была расстегнута, и она видела шрам, пересекавший живот до самого паха. Выпуклый, шириной в палец шрам белел на фоне загорелой кожи.

За год до того, как Грэм встретил Молли, это ранение нанес ему ножом для резки линолеума доктор Ганнибал Лектер. Уилл тогда чудом остался в живых. Лектер — Ганнибал-Каннибал, как позднее окрестили его журналисты, — был вторым психопатом на счету у Грэма. Поправившись, Грэм уволился из Федерального бюро расследований, уехал из Вашингтона во Флориду и устроился работать механиком-мотористом на небольшую верфь в Марафоне. Грэм был знаком с этой работой с детства. Сначала жил в трейлере, пока не переселился к Молли, в ее старый уютный дом на мысе Шугалауф.

Грэм сел верхом на выброшенное прибоем бревно и взял руки Молли в свои. Грэм почувствовал, как под его подошвами ступни Молли зарывались в песок.

— Видишь ли, Крофорд вбил себе в голову, что у меня нюх на маньяков.

— А сам ты как думаешь?

Грэм отвел взгляд. Над ровной полосой берега один за другим летели три пеликана.

— Молли, психопата, если он не глуп, поймать трудно. Особенно садиста. Во-первых, нет мотивов преступления. Значит, этот путь закрыт. Во-вторых, почти никакой помощи от информаторов. Чаще всего задержание преступника — результат доноса, а не собственно розыскной работы. А в таких делах сту-